

Ночь вновь накрыла виллу семьи Лу. Весь дом погрузился в тишину, и лишь из кабинета на втором этаже пробивался слабый свет.

Лу Чжиянь сидел за письменным столом. Перед ним лежали раскрытые документы, но он не прочёл ни единого слова.

В голове почему-то снова всплывало, как днём Су Няньань обтирал его: осторожные движения, дрожащие пальцы и мгновенно потухший взгляд, когда тот заметил его отвращение.

Лу Чжиянь нахмурился, потёр переносицу. Внутри поднималось раздражение.

Он всегда терпеть не мог чужих прикосновений. Тем более прикосновений такого незначительного человека, как Су Няньань, — они вызывали у него неприязнь.

Днём он действительно напрягался и действительно испытывал отвращение. К этому присланному семьёй Су украшению у него не было ни капли симпатии.

Окно кабинета было приоткрыто. Холодный ночной ветер шевелил страницы на столе. Лу Чжиянь отложил ручку, развернул кресло и выехал из кабинета.

Спать не хотелось. Его ноги спокойно лежали на подножке, ничем не выдавая правду. Только сам Лу Чжиянь знал: так называемая инвалидность — всего лишь тщательно подготовленная маскировка.

Ему была нужна эта маска. Нужно было затаиться, укрепиться в семье Лу и постепенно устранить все препятствия.

А Су Няньань был лишь пешкой, которой удобно прикрыть этот план от чужих глаз. Необязательная декорация.

Колёса бесшумно катились по ковру в коридоре. Лу Чжиянь направился к его дальнему концу, собираясь налить холодной воды, чтобы заглушить непонятное раздражение.

Проезжая мимо гостевой Су Няньаня, он заметил, что дверь прикрыта не до конца и оставляет узкую щель.

Кресло остановилось. Лу Чжиянь посмотрел внутрь и увидел на кровати маленькую свернувшуюся фигуру.

Су Няньань.

Он лежал на узкой односпальной кровати без толстого одеяла — только тонкий плед прикрывал тело. Су Няньань спал на боку, спиной к двери, слегка поджав плечи. Он казался болезненно худым и хрупким.

Лу Чжиянь остановил кресло прямо у двери и не поехал дальше.

В слабом свете ночника он молча смотрел на свернувшегося человека.

Су Няньань крепко спал — возможно, слишком устал за день, а может, ночь была слишком холодной. Брови слегка нахмурены, губы сжаты в тонкую линию, лицо от холода неестественно бледное.

Пряди волос упали на лоб, прикрывая часть лица. Во сне исчезли дневные испуг и скованность, и черты стали тихими и мягкими.

Лицо было чистым и беззащитным, без малейшей угрозы. Су Няньань напоминал безобидного зверька, который бесшумно свернулся в углу кровати и даже дышит едва слышно.

Лу Чжиянь просто сидел и смотрел. Не приближался, не говорил. Взгляд оставался спокойным и ровным.

Ни жалости. Ни сочувствия. Никаких лишних чувств. Он лишь смотрел, как смотрят на вещь, оставленную в углу, — на незначительное украшение.

Дневные придирки, холодность, отвращение — всё это было его настоящим отношением. Нечего проявлять мягкость к пешке и нечего тратить чувства на декорацию.

Обиды Су Няньаня, его холод, его униженное положение — всё это не имело к Лу Чжияню никакого отношения.

Ночной ветер шевельнул воздух. Су Няньань во сне слегка двинулся и глубже забился под плед, будто замёрз.

Взгляд Лу Чжияня не изменился. Он ничего не сделал. У него не возникло желания накрыть Су Няньаня толстым одеялом или распорядиться принести нормальную постель.

Он наблюдал несколько минут. Всего несколько минут — без единого эмоционального всплеска, всё так же равнодушно.

Для Лу Чжияня присутствие Су Няньаня ничем не отличалось от какого-нибудь украшения на вилле. Будет оно здесь или исчезнет — на его жизни это не отразится и ни единой ряби в душе не поднимет.

Насмотревшись, он без колебаний развернул кресло и направился обратно к кабинету.

На лице вновь появилось привычное холодное, резкое выражение, словно короткой остановки у двери вообще не было.

Лу Чжиянь вернулся в кабинет и закрыл дверь, отрезав всё, что осталось в коридоре. Снова сел за стол, взял ручку и продолжил разбирать документы. В сердце не осталось следа от увиденного — полное спокойствие, ни единого колебания.

А Су Няньань продолжал спать на холодной кровати, не зная, что несколько минут за ним наблюдали.

В его мире были только бесконечный холод и обида. Хозяин этого дома никогда не замечал его по-настоящему и не проявлял к нему ни малейшей заботы.

Ночная вилла оставалась холодной и тихой. В мыслях Лу Чжияня по-прежнему существовали лишь его планы и притворство. Имя Су Няньаня, его образ так и не вызвали в душе ни единой волны.

Любая короткая остановка, любой молчаливый взгляд были всего лишь незначительными мгновениями: отвернулся — и забыл. Никаких чувств.

<http://bllate.org/book/20587/2058864>